

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ХЛЕБОЗАГОТОВОК И ВОРОНЕЖСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В «ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» (1929)

И. Д. Петришина

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 11 февраля 2020 г.

Аннотация: на конкретно-историческом материале крупнейшей аграрной губернии Центрально-Черноземного региона России рассматривается вопрос о начале сталинской «революции сверху». Автор показывает систему взаимоотношений крестьянства и власти через центральную проблему хлебозаготовок 1929 г., суть которой – насильственное изъятие крестьянского хлеба. Государственная политика насилия по отношению к крестьянству и ее воплощение на местах способствовали формированию командно-репрессивного механизма управления.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, хлебозаготовки, кулак, террор, репрессии.

Abstract: on the specific historical material of the largest agrarian province in the Central Chernozem region of Russia it is studied the issue of the beginning of Stalinist «revolution from above». The author shows system of relationships between peasantry and authorities through the main problem of grain reserves in 1929, the idea of which is forced taking of peasant bread. The government policy of violence against the peasantry and its execution by local authorities contributed to the formation of a command-repressive management mechanism.

Key words: peasant farm, grain reserves, kulak, terror, repressions.

«Бывают эпохи, которые говорят, что им нет дела до человека, что его нужно использовать, как кирпич, как цемент, что из него нужно строить, а не для него. Социальная архитектура измеряется масштабом человека. Иногда она становится враждебной человеку и питает свое величие его унижением и ничтожеством...», – Б. Сарнов цитировал слова О. Мандельштама, написанные в 1923 г., отмечая, что к началу 1930-х «...Мандельштам окончательно уверился, что надвигающаяся тень не сулит ничего хорошего не только современникам, но и потомкам. До этого времени он еще надеялся, что «жестокый» XX век удастся европеизировать и гуманизировать... 1929 г. (этот старший брат 1937-го) нанес этим надеждам последний сокрушительный удар» [1, с. 67–68]. Символично, что 1929 г. в исторической литературе называют «годом великого перелома», который сам Сталин объявил годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства; а 1937-й – завершающим годом «социалистического преобразования сельского хозяйства» или годом «большого террора». Таким образом, 1929 г. определил вектор развития страны на несколько десятилетий.

О настроении воронежского крестьянства в конце 1928 г. ярко свидетельствует проект резолюции о

работе сельсовета, который крестьяне деревни Борисовское Яхнобольской волости Воронежской губернии предложили отчетному собранию. Крестьянский проект резолюции без указаний сверху гласил: «Мы уже привыкли к тому, что иногда говорим одно, а резолюцию выносим противоположную говорившемуся. Привыкли и молчать, считая это уместным, привыкли рабски всем и всему повиноваться. Привыкло крестьянство испокон веков к княжеским, воеводским сборам и татарской дани, барским и царским оброкам и пр. Привык русский крестьянин видеть себя на картинках и рисунках то в лаптях, то босиком и привык думать, что лучшей обуви ему и не нужно. А посему комиссия никакой критики сельсовету, ни похвал, ни наказа делать нужным не находит» [2, с. 466]. Такое неожиданное предложение крестьян привело в недоумение комиссию по выработке резолюции.

Воронежское крестьянство вступало в новый 1929 г. должником перед государством, опасаясь повторения чрезвычайных мер 1928 г. Декабрьский план заготовок в Центрально-Черноземной области (далее – ЦЧО), куда входила Воронежская губерния, был выполнен лишь на 58 %, а отдельными округами – Россосанским, Тамбовским, Борисоглебским – значительно ниже этого. Секретарь обкома ВКП(б) ЦЧО И. М. Варейкис в секретном письме всем окружкам и райкомам партии области сообщал, что за полме-

сяца января 1929 г. заготовлено лишь 3 % январского плана и что ни одна парторганизация не добилась выполнения в назначенный срок сбора всех крестьянских платежей. Он требовал «принять меры к сдаче (продаже) излишков хлеба, организовав по возможности показательную сдачу хлеба – красный обоз». В такой обстановке среди населения наблюдалась паника и повышенный спрос на сельскохозяйственные продукты. Так, например, уже в 1928 г. в слободе Осторожевое Урывской волости Острогожского уезда Воронежской губернии 300 дворов из 740 нуждались в хлебе для продовольствия. Самые бедные снабжались хлебом из комитета взаимопомощи и кооперации, а остальные сбывали домашние вещи и одежду, чтобы купить хлеб у зажиточных [3, л. 8, 33, 34; 4, л. 76].

Тем не менее 11 января 1929 г. в соответствии с постановлением СНК СССР и Политбюро ЦК годовой план централизованных заготовок хлеба был увеличен на 43 млн пудов. На XVI конференции ВКП(б) в апреле 1929 г. был принят план первой пятилетки, по которому предусматривалось увеличение валовой промышленной продукции в 2,8 раза, а группы А – в 3,3 раза, который в свою очередь был пересмотрен в сторону увеличения. Таким образом, крестьянский хлеб был необходим сталинскому руководству для закупок промышленного оборудования на Западе для нужд индустриализации, бесперебойного снабжения продовольствием растущей армии промышленных рабочих и городского населения [5, с. 485, 547].

В секретном постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 января 1929 г. «О хлебозаготовках» Центр поставил перед советами производящих районов следующие задачи: усилить мероприятия по извлечению денег из деревни, немедленно развернуть кампанию по самообложению. Как для селений, так и для отдельных крестьянских хозяйств допускалось самообложение до 50 % оклада сельскохозяйственного налога. В постановлении содержалась директива о сокращении плана снабжения хлебом во всех районах, о необходимости введения гужевой повинности в тех районах, где хлеб лежал на складах вдали от транспортных путей. Местным организациям было категорически запрещено расходовать хлеб без разрешения Наркомторга [6, л. 1–2].

С мая по декабрь 1929 г. сталинским руководством были приняты постановления, распоряжения, циркуляры, директивы, решения и руководящие установки об изъятии без малейших задержек всего крестьянского хлеба, об усиленном извлечении денег из деревни для выполнения государственных планов. 4 мая 1929 г. Наркомторг СССР распорядился немедленно после завершения сева приступить к форсированным хлебозаготовкам по новому методу. Последующие властные решения разъясняли, уточняли и ужесточа-

ли способы проведения хлебозаготовок на местах. 7 мая постановление Совета труда и обороны устанавливало обязательное минимальное задание: с мая по июль заготовку 55 млн пудов хлеба. Для каждого района Наркомторг устанавливал обязательное задание по хлебозаготовкам на три месяца – май, июнь и июль. Затем местные органы власти определяли точный размер задания для каждого села. Общему собранию – сходу крестьян села следовало принять постановление о выполнении этого плана хлебозаготовок, создать особую комиссию из бедняцко-средняцкого актива, ответственную за выполнение плана, которая должна определить, на каких кулаков возложить главную часть плана хлебозаготовок, а оставшуюся часть задания распределить между остальной частью крестьянства. При определении задания для каждого крестьянского хозяйства комиссии следовало руководствоваться классовым подходом. Крестьяне, не выполнившие задания, которое рассматривалось как государственная повинность, привлекались к суду или подвергались особыми комиссиями административным взысканиям – денежным штрафам. В случае нарушения сроков сдачи хлеба размер задания для крестьянина увеличивался вдвое, а в случае его неуплаты практиковалась продажа имущества [2, с. 612–616].

Такие суровые меры в отношении крестьянства были вызваны отставанием темпов хлебозаготовок. За год в лучшем случае при полном выполнении майско-июньских планов власти могли собрать всего 529 млн пудов, что было значительно меньше, чем намечалось планом, и меньше, чем было заготовлено в предыдущие годы (в 1926/27 г. было заготовлено 661,8 млн пудов, в 1927/28 – 627,1 млн пудов). С 1 июля 1928 г. по 20 мая 1929 г. ЦЧО дала всего 26,2 млн пудов [там же, с. 624–626].

Власть особенно беспокоило значительное снижение сбора продовольственных хлебов, что было следствием прежде всего экономической политики государства по отношению к крестьянским хозяйствам на протяжении всех 1920-х гг. (повышенное налогообложение, низкие закупочные цены на крестьянскую продукцию, неэффективная поддержка бедняцких хозяйств и разорение зажиточных), а не только следствием снижения урожайности в 1928 г.

В новую заготовительную кампанию постановлением СНК СССР от 21 июня 1929 г. сохранялась прежняя, 1928/29 г., система хлебозаготовительного аппарата. По мнению властей, она себя оправдала. А 27 июня Политбюро ЦК ВКП(б) постановило создать неприкосновенный запас хлеба в размере 100 млн пудов хлеба. С этого времени отказ крестьян сдавать хлеб рассматривался как «сопротивление власти» и сулил им пятикратный штраф, либо принудительные работы до одного года, либо лишение свободы. В слу-

чае предварительного сговора крестьян могли выселять в другую местность или лишать свободы с конфискацией имущества. При этом 25 % суммы, полученной от раскулаченных, выделяли фонду помощи бедноты [там же, с. 659–661, 806–807]. Эти решения привели к уничтожению крепких крестьянских хозяйств, резкому изменению социально-политической обстановки в деревне, росту социальной напряженности и различных видов преступлений.

Для сохранения своего хозяйства и семьи крестьяне стремились повлиять на властные решения в результате выборов в советы, ведь местные органы власти распределяли сельскохозяйственный налог, устанавливали самообложение для зажиточных хозяйств. Следовательно, судьба крестьянина в пределах родного села решалась сельскими выборными органами – сельсоветом, сельскими сходами. Накануне перевыборов советов наблюдались случаи распространения листовок и срывов собраний. На 2 января 1929 г. в ЦЧО было сорвано 13 таких собраний. В Борисоглебском округе на предвыборных собраниях крестьяне резко критиковали колхозы, более зажиточные требовали ликвидировать совхозы, а землю отдать крестьянам. На 21 января 1929 г. в области было зарегистрировано 194 теракта [там же, с. 584, 586–587, 593, 595–596].

В сводке информационного отдела Объединенного государственного политического управления (далее – ОГПУ) сообщалось, что в июле в ЦЧО значительно снизилось поступление крестьянского хлеба. В деревне участились факты произвола местных властей. Были зарегистрированы случаи подкупа и вымогательства взятки. В погоне за хлебными излишками участились случаи явного переобложения середняков и изъятия последнего хлеба у бедняков. В некоторых селах Острогожского и Борисоглебского округов были поголовно обложены все середняки, даже так называемые «средняки», у которых совершенно не было хлеба. Зачастую комиссия по хлебозаготовкам отбирала у бедноты последний хлеб [там же, с. 667–668].

Партийные работники оттачивали методы хлебозаготовок и проводили работу над ошибками. Н. М. Янсон, направленный для усиления хлебозаготовок в Россошанский округ в 1928 г., сообщал И. М. Варейкису, что без мобилизации бедноты в помощь хлебозаготовкам «кулачество оказывает бешеное сопротивление». В селе Загребановка Богучарского района на сельских сходах при выявлении неплатильщиков крестьяне уклонялись от голосования и уходили с собрания. В Талицком сельсовете Борисоглебского округа собрание также было сорвано. Вместо того, чтобы возложить основную тяжесть обложения на самых зажиточных крестьян, всего 20–25 % дворов, уполномоченные по хлебозаготовкам

распределяли задание на 50 % дворов, куда попадали и слабые хозяйства. В результате происходило выступление «единым фронтом» бедняков и зажиточных против хлебозаготовок. Уполномоченные обкома в Россоши не допустили подобных искривлений: 50 % плана распределили среди 4–6 % хозяйств. Однако секретарь обкома ВКП(б) ЦЧО И. Г. Бирн заявлял, что уполномоченные «при проведении репрессий сплошь и рядом либеральничают, медлят, уговаривают» [4, с. 79–82]. Таким образом, иметь какие-либо запасы хлеба становилось опасным для крестьян. Непосильные задания, перегибы, недочеты в работе хлебозаготовительного аппарата вызывали недовольство крестьян, их противостояние властям. Они понимали, что диалог с властью невозможен, и не могли сдерживать своего протеста. Сами власти отмечали изменения в настроении крестьян в 1929 г. В отличие от периода продразверстки 1918–1921 гг. беднота очень часто выступала не против кулака, а за его поддержку.

Документы, освещающие изъятие хлеба у крестьян, содержат большое количество угроз, запугиваний, злоупотреблений со стороны местных властей. В Бутурлиновском районе Россошанского округа член Елизаветинского сельского заготовительного комитета Богачев, приезжая на места, обыкновенно на собраниях комиссии по хлебозаготовкам говорил: «Я неврастеник, имею на это документ и могу застрелить». Пытавшимся возражать он угрожал револьвером. В Борисоглебском округе в селе Абрамовка Елань-Коленовского района уполномоченный по хлебозаготовкам М. Ф. Агапов на собрании крестьян говорил: «Вы мне завтра же везите хлеб, да не пудами, а десятками пудов, в противном случае я принимать не буду, да смотрите, не вздумайте послушаться, тогда вам будет плохо. Стоит только мне телеграмму дать в округ, сейчас же вышлют для расправы с вами аэроплан, ведь нам ничего не стоит расстрелять десяток-другой крестьян». Такие угрозы представителя местной власти вызвали крайнее недовольство крестьян. Они, как могли, сопротивлялись произволу. В селе Паршиновка Добринского района 1 июля в сельсовет пришли двое местных жителей, вооруженные финскими ножами, с намерением убить уполномоченного райисполкома совета по хлебозаготовкам. Милиция пыталась их арестовать, однако собралась толпа в 120 человек, которая воспрепятствовала аресту [2, с. 669].

Сопротивление крестьян местным органам власти ужесточилось с началом новой хлебозаготовительной кампании 1929 г. Хронология трагических событий поражает своей обыденностью. По сводке ОГПУ, в селе Ровеньки Россошанского района того же округа 13 августа 1929 г. был убит бедняк за активную работу по хлебозаготовкам. В тот же день в селе Оль-

ховатка двое крестьян сожгли ригу у члена комиссии по хлебозаготовкам. В селе Перевальное Подгоренского района 20 августа 100 человек пытались избить представителей местной власти на почве хлебозаготовок. Все эти трагические события произошли в одном Россошанском районе 13 и 20 августа [7, с. 952, 957].

Антисоветские настроения крестьян приводили к активности ОГПУ. И. Г. Бирн указывал, что количество преступлений (убийств, вооруженных налетов и ограблений) в Россошанском округе стало увеличиваться уже к началу 1929 г. [8, л. 25]. В сводке по уголовным преступлениям политического характера ЦЧО сообщалось, что в каждом округе имели место поджоги хозяйств деревенских общественных работников, членов сельских налоговых комиссий. Рост политических преступлений был связан с «мероприятиями партии и советской власти, направленными на нажим кулака» [9, л. 13–15].

В конце августа ОГПУ усилило оперативные мероприятия и против городских торговцев хлебом. Их советская власть определяла как «антисоветские элементы на селе». Однако аресты торговцев не имели решающего значения в хлебозаготовках. Зажиточные крестьяне, которые имели хлеб, укрывали его у родственников или бедняков, сбывали частникам и перекупщикам. Крестьяне сел Верхне-Карачанского района Борисоглебского округа возмущались: «Надо же как-нибудь отвязаться от красных обозов, хлеб мы свой тогда повезем, когда нам дадут контрольную цифру с десятины или с едока, а то вывезешь, а власть снова будет требовать». К середине сентября в ЦЧО стабилизировалось поступление хлеба по пятидневным планам властей. Однако местные органы власти оказались не готовы к увеличению поступления хлеба. Повсеместно для перевозки зерна, изъятого у крестьян, не хватало транспорта и складов. Тем не менее во всех крупнейших хлебных районах, в том числе и в ЦЧО, выполнение сентябрьского плана находилось под угрозой [2, с. 707; 5].

В сентябре 1929 г. в телеграмме, поступившей в обком ВКП(б) ЦЧО за подписью В. М. Молотова, было указано всем партийным организациям на то, что в общей сумме хлебозаготовок ничтожную роль играло поступление хлеба от кулацких, зажиточных элементов, которые продолжали упорно сопротивляться и срывать установленные советской властью цены на хлеб. Секретарь ЦК ВКП(б) требовал усилить проведение репрессий, применение выселок, в срочном порядке провести несколько показательных процессов со строгим наказанием особо злостных кулаков и спекулянтов. Одновременно планировалось мобилизовать все силы для проведения ударной осенней посевной кампании: расширение посевных площадей, увеличение урожайности хлебов, в отдельных

случаях проведение круглосуточной посевной. От местных органов власти требовалось увязать всю агитационно-политическую работу по хлебозаготовкам с основными задачами по пятилетней индустриализации страны и «социалистической реконструкции сельского хозяйства» [6, л. 10–15 об.].

Заготовительный план на кампанию 1929/30 г. составил 700 млн пудов, на выполнение которого следовало «мобилизовать все силы», нанося «смертельный удар по антисоветскому деревенскому подполью». Для ЦЧО было принято решение увеличить план хлебозаготовок на 5 млн пудов, доведя его до 100 млн пудов. В постановлении пленума обкома ВКП(б) была поставлена задача – полностью выполнить хлебозаготовительный план 1929/30 г. до 1 января 1930 г. Исходя из этого, обком в закрытом письме всем партийным организациям области ставил первостепенную задачу – внимательно изучить село, чтобы уже при уборке урожая знать, какими ресурсами располагало каждое село и какие излишки хлеба имелись в каждом дворе, чтобы «лучше следить за выполнением планов» хлебозаготовок [10, л. 1–7]. Однако центральная власть стремилась взять весь крестьянский хлеб в рекордно короткие сроки: 26 октября ЦК ВКП(б) обязал руководителей обкомов и крайкомов выполнить годовой план хлебозаготовок не к 1 января – 1 февраля 1930 г., как указывалось ранее, а к 1 декабря 1929 г. [2, с. 678, 692, 694, 701, 716, 737, 807].

Еще раньше, 3 октября 1929 г., сталинское руководство поручило ОГПУ и Наркомюстам применять расстрелы против кулаков – организаторов терактов через судебные органы, а в отдельных случаях для особо быстрого прохождения дел карать через ОГПУ. Для выполнения этой директивы руководство ОГПУ считало необходимым создать тройки ОГПУ в главных хлебозаготовительных областях, согласовывая приговоры с обкомами партии [там же, с. 714, 732]. Сталин ужесточал режим, чтобы компенсировать неудачи методов хлебозаготовок. В начале октября в обком ВКП(б) ЦЧО поступило разъяснение В. М. Молотова о мерах в отношении кулаков: в ЦК ВКП(б) считали, что в ряде районов «нажим на кулака... все еще недостаточен», и требовали против него решительных репрессий, обеспечив активную поддержку со стороны бедняков и середняков. В отношении середняков подтверждалась директива ЦК ВКП(б) от 23 сентября о недопустимости наложения на них обязательных заданий [6, л. 16–16 об.].

Тем не менее в октябре, как и прежде, хлеб поступал в основном от бедняков и середняков, а также от колхозов и совхозов, куда также были направлены специальные уполномоченные. Зажиточные крестьяне стали сдавать его после проведенных арестов. За несколько дней процент выполнения месячного пла-

на в отдельных селах Острогожского округа повысился с 30–40 % до 80–90 % [7, с. 989]. Репрессивная государственная политика хлебозаготовок привела в ряде сел к массовым выступлениям крестьян, о чем сообщалось в справке информотдела ОГПУ [там же, с. 997].

1 ноября 1929 г. закрытое заседание партийного бюро Усманского округа констатировало, что окружной прокурор не выполняет директиву о быстрейшем окончании следствия по делам терактов: с начала хлебозаготовительной кампании следствием было закончено всего 15 дел из 49, 11 из которых передано в Политкомиссию, и ни одно из законченных дел не передано в суд. На заседании партбюро было предложено привлечь виновных в затяжке дел к строжайшей судебной ответственности, усилить связь органов расследования с батрачко-средняцкими массами деревни, привлекая их к помощи для быстрейшего раскрытия преступлений, принять «решительные меры по пресечению бандитских групп, появившихся в районах Анна и Дрязги, и провести изъятие антисоветского элемента из деревни». Уже через месяц 3 декабря также строго секретно на заседании партийного бюро Усманского округа сообщалось, что по сводкам заготовителей на 20 ноября план хлебозаготовок по округу был выполнен по всем культурам на 101 %, зерновым – 107 %, продовольственным – 103,8 %; на 1 декабря по всем культурам – на 106,3 %, зерновым – 112,6 %, продовольственным – 108,6 % [3, л. 177, 207].

Масштабы и темпы сбора хлебов поражают своей скоростью и неотвратимостью. Выполняя задачу изъятия крестьянской продукции, власти не только установили полный контроль за прохождением хлеба от производителя к потребителю, но и ввели максимальную экономию хлеба, вплоть до использования кормовых культур в продовольственных целях. Эко-

номический контроль породил политические изменения. Власть не могла отобрать у крестьянина хлеб – источник его выживания и достояние его труда – без политических изменений, идеологического обеспечения и репрессивной машины. Государственная политика насилия по отношению к крестьянству ознаменовала переход к репрессивной политике управления сначала деревней, а потом и всей страной. Это было началом политического террора. 1929 год явился годом активной политической, экономической, социальной, идеологической и психологической подготовки общества к массовому насилию, апогеем которого станет 1937 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарнов Б. Бывают странные сближения / Б. Сарнов // Вопросы литературы. – 2002. – № 5. – С. 45–74.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы : в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 1999. – Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. – 880 с.
3. Государственный архив новейшей истории Липецкой области. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 1.
4. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 276.
5. Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке / В. П. Данилов // Избранные труды : в 2 ч. – М., 2011. – Ч. 2. – 831 с.
6. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 491.
7. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М., 2000. – Т. 2. 1923–1929. – 1168 с.
8. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 119.
9. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 124.
10. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 495.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского
Петришина И. Д., кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
E-mail: petrishina62@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky
Petrishina I. D., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian and World History Department
E-mail: petrishina62@mail.ru